КАК ЧАСТО, открывая ту или иную статью, читая интервью и беседы с писателями, встречаешь рассуждения о связях литературы с жизнью, о том, что именно послужило поводом к созданию той или иной книги... Может показаться парадоксальным, если я скажу, что проблемы эти представляются мне несколько странными. Да о чем ином, как не о жизни, повествует литература? Для меня оба эти понятия неразрывны, я думаю, что невозможно их произвольно соединить или разъединить. Как невозможно, разрезая магнит, отделить друг от друга его различные полюсы — и тот, и другой обязательно попадут в обе части. Ибо они взаимосвязаны, неразделимы. И если следует о чем-нибудь вести речь, то, наверное, о том, как точно удалось писателю уловить пульс времени, подметить рождающиеся, развивающиеся черты действительности. Эти вопросы не перестанут занимать умы так же, как, скажем, вопросы добра и зла, тайны любви и человеческого существования.

Нарастание темпов развития науки — факт бесспорный, хотя не все ее от-

крытия тотчас же реализуются на практике. Мы — очевидцы небывалого технического прогресса и интенсификации производства. Как-то в Союзе писателей Эстонии состоялась встреча с секретарем Пайдеского райкома. Из уст гостя мы услышали о больших успехах сельского хозяйства, о тех новшествах, что позволили собрать по 45 центнеров зерновых с гектара. Такие сообщения могут только радовать. Но, с другой стороны, они и озадачивают писателя — в жизни происходят огромные изменения, а вот в литературе новое появляется и утверждается значительно медленнее. На первый взгляд, нет ничего проще: съезди туда, где происходит нечто небывалое, все тщательно опиши — и это новое тотчас возродится в литературном произведении. Не тут-то было! Съездить, конечно, надо, знать, чем живет современный человек, труженик, необходимо — без этого писателю не на что рассчитывать, — но, увы, тщетно было бы надеяться, что результаты сами по себе скажутся в творчестве. Я не утверждаю, что новое в жизни и новое в литературе совсем

различные вещи, но эти понятия отнюдь не одного и того же порядка.

На мой взгляд, оперативность в отражении и оценке различных событий — дело журналистов. И это ничуть не умаляет достоинства и значения их

Энн ВЕТЕМАА

труда. (Кстати, в эстонском языке слово «журналист» в дословном переводе означает «писатель времени», то есть тот, кто непосредственно отображает события сегодняшнего дня). Для писателя же главное — человек во всех связях и взаимоотношениях с действительностью, с социальной средой, его внутренний мир. Однако как просто это заявить и как трудно воплотить в слове! Хотя существует и обратное утверждение: талантливый писатель не может иначе — он обязательно заметит новое и новаторски напишет о нем. Но и самый одаренный художник не создаст ни единой живой строки, если он не знает жизни. А познание окружающего мира год от года усложняется, на наших глазах происходят процессы, с которыми предыдущим поколениям писателей не приходилось сталкиваться.

Приведу пример. Мы, эстонцы, считаем своим наиболее выдающимся прозаиком Таммсааре. Ему принадлежит бесспорное первенство в изображении и углубленном исследовании нравов и быта эстонского села. И все же я имену сме-

лость думать, что описать сельскую жизнь начала века было несколько легче, чем в наши дни. Конечно, я предвижу возражения — показ судьбы человеческой одинаково труден во все времена. Но нельзя не признать, что взаимоотношения

был буквально ошеломлен увиденным и услышанным в одной из таллинских школ. Детям первого класса показывали картинку, изображавшую корову. На вопрос, из какой части тела корова дает молоко, мальчик ответил: «Из по-

ВЕЧНО СТАРАЯ ПРОБЛЕМА НОВОГО...

людей в единоличном хозяйстве не столь многомерны, как сегодняшние, и для писателя более осязаемы. С лошады и плугом дело обстоит проще, чем с научной организацией труда. В современных передовых колхозах без электронных вычислителей уже никак не обойтись, и писатель все-таки должен иметь представление о производственном процессе, который невиданно усложнился даже в сравнении с недалеким прошлым.

Весьма типична биография вступающего в литературу человека — средняя школа, высшая школа (нередко филологического профиля), затем работа в издательстве, библиотеке или научном учреждении. И естественно, что знания жизни при таких условиях не хватает.

Большая часть писателей теперь уже городского происхождения. Недавно я

дойника». Никто из городских детей точно не знал, где держат коров. Слова «хлев», «конюшня» им не знакомы...

У СЛОЖЕНИЕ связей «человек — общество» — явление, имеющее прямое отношение к творчеству. Не случайно многие наши писатели, особенно молодые, предпочитают «вечные» проблемы любви и смерти, где значительно труднее сделать открытие, но уже выработались некоторые «удобные» стереотипы.

Однако я могу тут же и не без удовольствия возразить самому себе и привести немало положительных примеров, назвать имена поэтов и прозаиков, которые остро подметили новые черты нашей жизни, изменяющийся облик современного человека. Например, в героях нового романа В. Гросса «Мотивы молчания» мы безошибочно узнаем людей села сегодняшнего, а не пятидесятих или даже шестидесятых годов. И отнюдь не по внешним реалиям — в романе нет упоминаний ни о комбайне «Нива», ни о новейших сортах пшеницы, — а по уровню развития сельчан, по их отношению к труду, по тому, как они решают морально-этические проблемы. Только в наши дни, а не 20 или 10 лет назад могла появиться героиня, подобная той, о которой в романе «Возможность выбора» пишет Э. Бэркман, — женщина свободная, самостоятельная, рас- суждения и поступки кото-

рой в выборе спутника жизни, в создании семьи несут на себе явный отпечаток сложившихся сейчас объективных обстоятельств. Четкими приметами времени обозначены общепризнанные произведения Айтматова, Бондарева, Залыгина, Распутина, Куусберга, Евтушенко, Межелайтиса.

НОВАТОРСТВО в сюжете, в подходе к теме не может не стимулировать писателя на поиски оригинальных средств словесного выражения. Когда, например, Л. Мери писал книги «Мост в

белое безмолвие» или «Сближающиеся берега», то замысел, содержание его произведений вряд ли укладывались в какую-либо из общеизвестных прозаических форм. Соединение научного исследования, исторического эссе и актуальной публицистики вылилось в единое целое, точного названия которому нет. А исчерпывает ли определенное «документальная проза» такие произведения, как «Ледовая книга» Ю. Смуула или «Письма из Русского музея» В. Солоухина? Вряд ли.

Что касается формальных экспериментов, то они, как мне кажется, вполне возможны даже в тех случаях, когда не выдерживают испытания временем. Лично я начал заниматься поэзией, будучи студентом, изучающим инженерную химию. Я вплетал в стихи уравнения, интегралы, за что в литературных салонах меня немало хвалили. Сейчас эти стихи вызывают улыбку; в то же время более простые, написанные без формальных ухищрений строки я и сегодня могу прочесть без особого стыда. Вспоминается, как восхвалял новаторство Пикассо и как хитро он это делал. На одной выставке художник особо выделил самые крайние эксперименты, а позднее, в кругу друзей, сказал: «Пусть они (то есть авторы таких картин. — Э. В.) побыстрее все испробуют, тогда шарлатаны не смогут в будущем подобными формами пожинать лавры».

Стремление в молодости

обратить на себя внимание смелым экспериментом естественно и, по-моему, осуждению не подлежит. Тем более, что малоопытному молодому человеку трудно отличиться в чем-нибудь глубоко содержательном. С приобретением жизненного опыта отпадает необходимость в крайностях. Ведь и ранний Маяковский был в области формальных новаций радикальнее, чем в пору зрелого мастерства. Но случается, что сами по себе интересные поиски в области формы не увенчиваются серьезным творче-

ским успехом, и в отдельных, исключительных случаях изобретенный кем-то когда-то формальный прием может вдохновить более талантливого творца, который заполнит «сосуд» оригинальным содержанием. Такое заимствование у более слабого не так уж неэтично. Зато заимствовать у сильного нельзя: сразу же становишься эпигоном.

Процесс обновления и изменения происходит в литературе беспрерывно. Например, в эстонской поэзии в первой половине шестидесятых годов утвердился нерифмованный стих. Он стал даже своеобразной модой. Теперь это повальное увлечение прошло, но свое, особое место свободный стих, естественно, занимает.

Наряду с традиционным эпическим романом в эстонской прозе появился и так называемый «короткий» роман. Его принесли с собой писатели, мои сверстники, вступившие в литературу в середине шестидесятых годов. Тотчас же нашлись «провидцы», предсказавшие отмирание традиционного романа и царство короткого. Тем более, что иные авторы старшего поколения, писавшие ранее только объемные произведения с большим количеством действующих лиц, попробовали свои силы в новом жанре (как, например, Р. Сирге, создатель эпопеи «Земля и народ»). Теперь очевидно, что подобные предсказания оказались ложными, стало ясно, что дело вовсе не в разме-

ре произведения. Об изменении, происшедших в эстонском романе, очень метко сказал критик Пярт Лиас: если раньше роман изображал человека во времени, то короткий роман изображает время в человеке. Последнее не требует широкого эпического полета, макроанализа заменяется микроанализом. За течением времени можно следить, заострив внимание на отдельном человеке, сивоз судьбу которого просвечивает судьба целого общества. Так что уменьшение объема книги представляло собой как бы вторичное явление. Теперь мы видим, как обе названные формы мирно сосуществуют. И мы наблюдаем обратное движение — утомленный от калейдоскопа информации человек жаждет чего-то продолжительного и простого, предпочитая вновь более крупные формы. Не служит ли примером тому популярность романов И. Авижюса, И. Мележа, Я. Кросса и многих других?

ИСТОРИЯ литературы подтверждает неизбежную истину — остается только то произведение, которое выражает нечто, доселе не выраженное, правдиво воссоздает свое время, закрепляет в сознании все положительное, что порождает прогресс, и осуждает все отрицательное, что по законам диалектики также неминуче. Все эти сложные процессы литератор должен описывать объективно, не впадая ни в розовый оптимизм, ни в черный пессимизм. Для талантливого художника ощущение пульса времени необходимо как воздух, — объективное существование этого воздуха, этих импульсов неизбежно скажется в литературе, приведет к звучанию жизни и творчества.

Маяковский говорил: хороший художник должен опережать время хотя на два часа... Не будучи новатором, невозможно дать художественное воплощение новому, формирующемуся. Наша задача — изучать жизнь, быть честным перед собой и перед обществом. Тогда проблема новаторства в литературе, о котором мы порою так много говорим, перестанет быть проблемой, во всяком случае она не будет нуждаться в особом, изолированном рассмотрении,

ТАЛЛИН